Ор 82
П85

Прянишников
43

Писатели — классики об Оренбургском крае

Чкаловское издательство
1951

Н. ПРЯНИШНИКОВ

ПИСАТЕЛИ-КЛАССИКИ ОБ ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

ЧКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

ДАЛЬ

Около восьми лет (1833—1841) прожил в Оренбурге, в качестве чиновника при военном губернаторе Перовском, знаменитый русский лексикограф и известный в своё время писатель В. И. Даль (1801—1872).

«Во всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси», — признавался Даль в одной из своих автобиографических записок. Служба в Оренбурге была очень удобна для него в этом отношении, так как была сопряжена с частыми служебными поездками по обширному краю, в состав которого входили тогда, кроме нынешней Чкаловской области, Башкирия и значительная часть Казахстана. За восемь лет Даль изъездил этот край вдоль и поперёк. По утверждению Мельникова-Печерского (друга и биографа Даля), именно в Оренбурге сделал Даль «главнейшие пополнения запасов для словаря». Оренбургская губерния, где, помимо аборигенов, уже тогда немало было переселенцев из Тамбовской, Воронежской, Орловской, Пензенской, Калужской и других центральных губерний, представляла из себя весьма благодарную территорию для такого страстного диалектолога, каким был Даль. Здесь же, по признанию самого Даля, созрела у него мысль о составлении Словаря, вследствие чего собирание народных слов и речений, которому он предавался смолоду, приобрело определённую цель и стало более планомерным.

На годы, проведённые Далем в Оренбурге, падает и бо́льшая часть его беллетристических произведений, которые он помещал в столичных журналах и сборниках под псевдонимом «Казака Луганского». Тургенев ценил в Дале зоркого и памятливого очеркиста, много видевшего и умевшего точно, правдиво и занимательно рассказать о том, что он видел. Именно эти достоинства Даля, несмотря на скромные размеры его художественного дарования, позволили ему занять определённое место в истории так называемой «натуральной школы» 30—40-х годов XIX в. Белинский писал, что Даль «создал себе особенный род поэзии, в

котором у него нет соперников. Этот род можно назвать физиологическим».

Естественно, что для чкаловского читателя особый интерес представляют те рассказы и очерки Даля, содержание которых он черпал из местной жизни или из местных исторических воспоминаний.

В серии «Новых картин русского быта» у Даля есть повесть «Серенькая», действие которой происходит частично в Оренбурге. Одна из глав повести так и начинается: «В опрятном, новом городке Елисаветинских времен, перенесённом трижды с места на место, в переулке Водяной улицы стоял сильно развалившийся домишко...» Биография этого «Домика на Водяной улице» (так озаглавлена данная глава повести) даёт автору повод вспомнить заодно и начало города:

«А в своё время жители вновь заложенного города и всей окружности его: казаки, башкиры, татары, киргизы сходились дивиться на дом о пяти окнах, который казался им палатами...» Это был «один из первых порядочных домиков новой крепости, с крылечком под резным навесом и другими причудами и украсами». Домик этот был «жильём капитана, правой руки коменданта, некогда одного из чудо-богатырей Суворова; у него всё делалось мигом, как в сказке у Ивана-царевича, и мигом у него домик поспел, куда приютить надо было молодую жену, которая жила дотоле в стоявшей невдалеке киргизской кибитке». Но он не дал «повершить» т. е. покрыть своего дома, пока не были закончены постройкой основные городские здания и сооружения и не наступил день торжественного «открытия» города. День этот был ознаменован колокольным звоном, которому вторил гул пушек. Обращаясь к вновь построенному городу, предназначенному стоять на страже юго-восточных рубежей России, капитан воскликнул звучным голосом: «Здравствуй, трижды зачатая, единожды рождённая твердыня[1], русский город: век стоять тебе покровом и оплотом и ширить могучие крылья свои!» И только тогда, пришедши домой, он сказал жене: «Ну, матушка-сударыня, вот теперь черёд и нашу крышу покрыть». «И это дело у него мигом поспело», — сообщает автор.

В ряде беллетристических произведений, написанных в Оренбурге, Даль использовал записанные им здесь рассказы русских пленных, побывавших в Хиве и Бухаре. Таков, например, рассказ «Осколок льду»[2] о судьбе Марии Чернушкиной, казачки Крас-

---

[1] См. примечание Даля к аналогичному месту в повести «Бакей и Мауляна» (т. VII, стр. 237): «Оренбург был первоначально заложен на месте Орской крепости, потом перенесен туда, где ныне Красногорская, а наконец уже основан там, где стоит и поныне...»

[2] Полн. собр. сочинений Вл. Ив. Даля (Казака Луганского), изд. М. О. Вольф, СПБ, 1897—98, т. V, стр. 203—214. Ниже все выдержки из произведений Даля приводятся по этому изданию.

ногорской крепости, которая в 14-летнем возрасте была похище
киргиз-кайсаками. Ранним летним утром, помахивая хворост
ной и напевая песенку, она выгоняла в поле телят, как вдр
«сбоку из оврага, внезапно на неё наскакали верхами два чел
века... с длинными копьями в руках, в лохмотьях, в мохнат
шапках». Положив пленную поперёк седла и переправившис
вброд через Урал, похитители поскакали в сторону и через н
делю прибыли в свой аул, кочевавший на песчаном Кара-Кум
близ Сыр-Дарьи. «Здесь продержали её несколько недель, з
ставляя пахтать кумыс или прясть верблюжью шерсть и обр
щаясь, впрочем, с пленницей довольно ласково. Особенно полю
била её молодая бойкая девка в кованых остроносых сапогах
остроконечной шапке с перьями...» Через аул этот проходи
караван купцов-бухарцев, и один из них купил Машу, а по при
бытии в Бухару подарил её эмиру, «как пешкеш, подарок или при
ношение из дальней стороны». Умная и проворная Маша приоб
рела благоволение своей непосредственной начальницы — стря
пухи (также русской пленницы) и вошла в доверенность
ханским жёнам. Сумела угодить она и самому эмиру, человек
хилому и измождённому. Как сметливая и услужливая сиделка
она полюбилась ему, и он не отпускал её от себя ни на шаг, ко
гда был нездоров. Три года пробыла Маша в неволе и освободи
лась совершенно неожиданным образом. Однажды, среди зно
ного лета, эмир захворал и впал в жестокую горячку. Мечась
стеная, он потребовал от Маши льду и обещал: «Если прине
сёшь, отпущу на волю и выдам за кого пожелаешь». Маше по
везло: «Выбежав без ума на улицу, она встретилась носом к но
су с таджиком, и этот первый, встреченный ею, человек нёс
чашке осколок льду»... Эмиру пришлось сдержать своё обещание
«С последним осенним караваном весёлая и резвая Маша стала
собираться в путь; эмир сам призвал к себе караван-баши и пе
редал пленницу на его ответ». Недель через шесть прибыли
Орскую крепость, где Маша нашла своего брата, вместе с кото
рым и прибыла затем в родное Красногорье. «Вся станица сбе
жалась, восклицания, рыдания и смех прерывались только по
временам звонким чмоканьем приветственных поцелуев. Между
красногорскими казаками вскоре нашёлся жених..., а хозяйки
расторопнее и работящее Маши, конечно, по всем станицам, от
Нежинки до Оренбурга, трудно было бы отыскать; мало того,
хотя Каменная, как всем известно, славится на пространстве
этом красотою казачек своих, но знатоки этого дела уверяют,
что такой статной и видной женщины, какая вышла из Маши,
не было даже и в Каменной».

За годы, проведённые в Оренбурге, Даль превосходно изу
чил быт и нравы казахов. Об этом свидетельствуют его повести
«Бикей и Мауляна» и «Майна», в которых подробно и красоч
но описаны характерные стороны жизни казахского народа в
прошлом, как-то: семейно-имущественные отношения, межродо

вая вражда, суд и расправа султанов-правителей, караванная торговля, спортивные моменты народных праздников и проч.

Даль изображал казахов с явной симпатией к ним, и, хотя герои его казахских повестей взяты преимущественно из богатой старшинской верхушки, однако, в обеих повестях рассеяно немало наблюдений и замечаний о тогдашнем положении трудовой массы казахского народа. С грустью отмечал Даль крайнее обнищание «прилинейных» казахов, которое было результатом двойной эксплуатации: со стороны туземных богатеев и царских чиновников-колонизаторов. «Полинейные кайсаки, — писал Даль, — вообще так бедны, что на 20 тысяч кибиток, зимующих от Гурьева до Звериноголовска,[1] на протяжении 1850 вёрст, считают кругом по пяти душ обоего пола на кибитку и притом только по семи голов рогатого скота, по пяти лошадей, по одному верблюду, по сту баранов; но в этом числе есть богачи, у которых десятки тысяч овец и коней, и голыши, у которых на целое семейство одна дойная коза и более доходов решительно никаких; на козу эту выучит целое семейство всё имущество своё и питается молоком её — через день и два, поочерёдно; это не сказка, а быль».[2]

Весьма иронически изображает Даль «деятельность» пограничных царских чиновников». В рассказе «Майна» приведён случай, когда от «правосудия» царского чиновника, прибывшего в Орск производить следствие, бежали все «прикосновенные» и неприкосновенные к делу кочевники.

«Дело было запутанное и завязалось по доносу таможенного чиновника, по доносу о беспошлинном тайном провозе некоторыми караван-башами разных товаров, и по жалобе бухарских купцов на какие-то притеснения по расчётам с возчиками. Всё это было спутано вместе, и переписка шла по трём-четырём ведомствам, неутомимая. Искали тут какого-то общего, огромного злоупотребления, и чиновник был прислан издалека произвести строжайшее следствие. Великий муж этот, со своими понятиями *о деле, делопроизводстве* и *следствии*, выехал в сопровождении помощников и небольшого отряда с девятью стопами бумаги навстречу чумекейцам». Чумекейцы (название одного из казахских родов) как раз в это время прикочевали к Орску; но, услышав о прибытии чиновника, поспешили откочевать обратно. В результате, чиновник, «не исписав и третьей стопы», «в одно прекрасное осеннее утро увидел себя с небольшим отрядцем своим, на месте ночлега, одного; на всём видимом пространстве не было ни одной кибитки, ни скотины, ни человека — и он, надивившись досыта, возвратился благополучно на линию, с трофеями своими, с двумя задержанными уже прежде, по прикосновенности их, кайсаками... Такое бегство иногда совершается в порядке,

[1] Звериноголовская станица Оренбургского казачьего войска в б. Челябинском уезде Оренбургской губернии при р. Тоболе.

[2] Том VII, стр. 235.

если успевают забрать с собою всё имущество, не быв
стигаемы неприятелем; но иногда киргизы бегут, при нечаян
нападении на них, в таком страхе и с такою поспешностью,
не только покидают кибитки свои, рогатый скот, баранов,
няя одних лошадей и верблюдов, но бросают даже старух и
рых стариков, грудных детей, врывают в землю по уши чу
ные котлы свои, налив их молоком или кумысом»[1]. Страх,
добный тому, какой внушает мирному населению приближе
неприятелей, — что̀ может быть убийственней этой характе
стики пограничной чиновничьей корпорации, характеристики
более убедительной и достоверной, что она исходит от челове
который сам был чиновником.

В повести «Бикей и Мауляна» находим несколько беглых,
красочных зарисовок тогдашнего Оренбурга и его окрест
стей. Рассказывая о том, как однажды разношёрстная толпа
телей Оренбурга вышла далеко за город встречать караван, ш
ший из Средней Азии, автор сообщает: «В тылу у зрителей
огромный каменный меновой двор, коего стены бесконечного
тяжения, казалось бы, готовы заключить в себе всех верблю
Средней Азии... Позади менового двора, верстах в двух, на
же левом, пологом берегу Урала, зеленелась рощица, одна-о
нёхонька в обширной степи; на противоположном, крутом, ев
пейском берегу реки высилось несколько каменных зданий,
рушающийся губернаторский дом, собор — а повыше, в ф
штадте, церковь Георгиевская, знаменитая тем, что Пугачёв,
время приступа к Оренбургу, употребил колокольню Георги
скую вместо барбета: он втащил на неё пушку, из которой ст
лял, за неимением снарядов, пятаками...»[2]

Об оренбургском гостином дворе Даль пишет: «В Оренбу
есть и гостиный двор, но это огромное здание более походит
арестантский двор или на монастырь; лавки все обраще
внутрь, а снаружи видны одни только стены; всё глухо, пус
мертво, и покупщики неохотно туда заходят».[3] Зато живопис
в изображении Даля караван: «Отдалённая пыль, ложащая
клубом под ветер, постепенно приближалась к зрителям; из р
ной необозримой степи возникали движущиеся громады и, об
нывая зрение, казались не верблюдами, а огромными слонам
Но — караван наш уже тянется канителью мимо зрителей: в
блюды рычат, медленно поворачивают долговязые шеи свои
стороны и разглядывают чуждого для них покроя людей; про
тый в носовой хрящ шерстяной или волосяной аркан, привяза
ный за хвост предшествующего верблюда, напоминает однако
мечтателю, что при таком снаряде задумываться невыгодно; п
клонив и протянув журавлиную шею свою, делает он два-т

---

[1] Том VII, стр. 378—380.
[2] Там же, стр. 235—236.
[3] Там же, стр. 234.

еремёта рысью и потом опять продолжает плавный, шаткий и алкий шаг свой, и огромные тюки, висящие в высоких, туго абитых мешках, по обе стороны вьючного седла, постоянно аскачиваются большими разводами взад и вперёд. Так тянет-я верблюд за верблюдом несколько вёрст...

Верблюды каждого возчика-киргиза составляют небольшое особое отделение; хозяин разъезжает сбоку, на коне, а иногда и идит, как и работники его, пополам с кладью, на верблюдах, на-наченных под собственный скарб, дрова и продовольствие. Каждый шаг этого подвижного амбара, который нагружается двумя батманами, 16-ю пудами, раскачивает и кидает седока своего от горба до горба: незавидная езда!.. Чалмоносные хозяе-а товаров восседают обыкновенно, подобрав ноги, в люльках, ойках или клетках, подвешенных по обе стороны верблюда: мох-натый возчик, в яргаке,[1] в меховой огромной шапке, сидя на вер-блюде между страннообразной кладью своей, походит на како-го-то лешего или домового с того света... По обе стороны поезда тянется реденькое карантинное прикрытие, отрядец казаков, встретивших караван в некотором расстоянии от линии; но в го-лове каравана, на первом верблюде, висит в люльке своей кара-ван-баши, караванный голова... Дошедши до ворот менового дво-ра, верблюд его припадает на колени. Караван-баши слезает, и, подошед к стоящим здесь таможенным чиновникам, здоровает-ся с каждым по-братски, принимая руку его в обе ладони своей и кланяясь. Наконец, караван вступает в меновой двор. Верб-люды идут в проходной, складочный сарай, по-русски: пакгауз, по слову: чок! припадают, ложатся, арканы развязываются, и ог-ромные тюки и мешки сваливаются в кучу».[2]

Даль не скрывает тех грабительских приёмов обогащения, ка-кие применялись в торговле со степью спекулянтами из русских и татар: «Так называемые купцы здешние берутся за мену и торговлю почти тогда только, если уверены получить по пяти рублей на полтину или около того: они дают киргизу зимою хле-ба или товаров на 50 рублей, засчитывают ему это за сто, обя-зуют поставить весною за это сотню ягнят, поручают их для про-кормления, для паствы, ему же, принимают осенью, в условлен-ном месте линии, сотню жирных баранов, отдают их в стрижку даром, из шерсти, гонят на Волгу, бьют на сало и выручают 12—16 рублей за барана, а мясо и шкура опять не входят в счёт. Это образчик менового торга с кайсаками, и не лучше это-го живёт и торговля караванная».[3]

В повести «Майна» рассказана типичная история обогащения одного «каргалинского татарина», история настолько несложная

[1] Ергак, яргак (сиб. оренб.) — тулуп или халат из жеребячьих, лыжниковых, козульих, сурочьих и иных короткошёрстых шкур, шерстью на-ружу (Словарь Даля).

[2] Том VII, стр. 237 и 239—240.

[3] Там же, стр. 242—243.

и скорая, что для изложения её автору понадобилось всего сколько строк. Отправляясь в Орск «на мену», этот торгов «выехал ни с чем, в лёгонькой порожней телеге, в которой жали: самовар, подушка, аршин и безмен — и только, а возв щался, разжившись бог весть с чего, в повозке с верхом, в л чатом лисьем тулупе, растянувшись на перине, и пил дорог чай ровно пять раз в день».

Кстати сказать, эти торгаши, ввиду своей подвижности, с жили обычно и для связи между жителями необъятных каз ских степей. В той же повести описан длинный и сложный п одного письма, которое казах Кара-Сакал, застрявший со сво родом в бассейне Сыр-Дарьи, вздумал послать своему приятел Сакалбаю, кочевавшему в то время в низовьях р. Урала. «Пи мо это шло до места назначения своего, до Сакалбая, месяц пять, но наконец дошло таки исправно». Оно пришло с кара ном в Орск и там было передано вышеупомянутому каргал скому татарину. «В Оренбурге письмо передано было на ме вом дворе каким-то кайсакам, ехавшим с мены в степь, и, на нец, через десятые руки, застав Сакалбая против Сахарно вручено ему исправно. Но этого мало: надобно было прочита его; и тут прошло с неделю времени, покуда собрались да наш грамотея».[2]

По делам службы Даль неоднократно бывал в предел Уральского казачьего войска и за эти поездки хорошо изуч его быт и нравы. В очерке «Уральский казак»[3] он дал — в ли гурьевского казака Маркиана Проклятова — мастерски сдела ный собирательный образ рядового члена казачьей общины рыболова и воина. Даль взял этот тип из малоимущего слоя зачества: «Проклятов на службе, а от уряду бегает, потому беден, а семья у него большая». Другими словами, Проклят избегает чина урядника и предпочитает оставаться рядовым заком, потому что только при этом условии он мог в тече всей своей боеспособной жизни наниматься на службу за де ги. (По существовавшим в казачестве порядкам богатые мо откупаться от военной службы, нанимая за себя бедняков).

Проклятов отличается прежде всего необычайной физичес выносливостью и закалённостью: «ростом невелик, плотен, рок в плечах, навёртывает и в 30 градусов мороза на ноги, лёгкости, по одной портянке, надевает в зимние степные похо кожаные либо холщёвые шаровары на гашнике и, если бу очень резок, то, сидя верхом, прикрывает ляжку с наветрен стороны полою полушубка. Мороза он не боится, потому мороз крепит; ...жару не боится потому, что пар костей не мит; воды, сырости, дождя не боится потому, как говорит,

[1] Сахарновская станица в б. земле Уральского казачьего войска, в верстах от г. Уральска вниз по течению р. Урала.

[2] Том VII, стр. 384.

[3] Там же, стр. 172—192.

зызмала к мокрой работе, по рыбному промыслу приобык, что Урал — золотое дно, серебряна покрышка, кормит и одевает его, стало быть на воду сердиться грех, — это дар божий, тот же хлеб».

Случалось Проклятову и «голодать по целым суткам, и к тому привык он смолоду. Летом сносил он голод молча, зимой покрякивал и повёртывался; летом жевал от жажды свинцовую пульку или жеребеёк, это холодит; зимой закусывал снежком. Солодковый корень, челим,[1] лебеда, яйца мартышек, даже земляной хлеб[2] и разные другие съедобные снадобья пропитывали его в беде по нескольку суток сряду. Там приходила опять пора, и Проклятов отъедался за прошедшее и за будущее».

В отношении нравственного облика Маркиан сильно напоминает толстовского дядю Ерошку. Раскольничьей старозаветности он придерживался лишь в домашнем быту. Но стоило ему очутиться на стороне, в походе, — и он с лёгким сердцем освобождал себя от соблюдения правил древнего благочестия: «На походе — Проклятов первый песенник, хоть и гнусит немного на старинный церковный лад, — первый плясун, и балалайка явится на третьем переходе, словно из земли вырастет, — и явится трубка и табак; а родительницы дома, на досуге, отмаливают и замаливают. Родительницами он называет не только старуху мать свою, но и тётку, и сестру, и хозяйку, и дочь: весь женский пол. Они все знают церковной грамоте, служат сами по старопечатным книгам... Главное занятие их: воспитывать ребят в постоянных правилах и обычаях домашнего изуверства, которое, как мы видели, соблюдаясь с неприкосновенною святостью на дому, нарушается без всякого стеснения на службе и вообще вне войсковых пределов».

Очерк «Уральский казак» содержит в себе также красочные описания осенней плавни, багренья и аханного рыболовства.

Среди произведений Даля, написанных на оренбургском материале, заслуживает внимания очерк «Охота на волков».[3] В нём описана охота, происходившая в пределах нынешнего Троицкого района Чкаловской области и организованная крупным барином, в котором нетрудно узнать земельного магната тех времён и тех мест — Тимашева. «Под угорьем Урала, — читаем мы в начале очерка, — в самой Башкирии, жил барин, во всём крае том известный владелец. Дед его купил у башкир сотню тысяч

---

[1] «Водяные орехи, которые вытаскиваются со дна озёр рогожами». (Прим. Даля.).

[2] «Замечательный лишай Усть-Урта. Он растёт, катаясь свободно по земле, по камню, без всякой связи с почвой. В нём есть некоторое сходство, судя по питательным качествам, с исландским мохом, и в голодные годы его едят. Вкус дурной, иловатый». (Прим. Даля).

[3] Том IV, стр. 328—347

десятин чернозёму, лесу, гор, рек и озёр, со всеми угодья среди непочатой дикой природы, переселился туда с целым ком крестьян, породнился через женитьбу с татарами, взя приданое большое татарское село... Этим-то барином сказ была охота, как всегда водилось, на полном угощении раду ного хозяина. Это делалось очень просто: он давал знать нем гим окружным помещикам и в Оренбург, что в Ташлах охо сбор с вечера, такого-то числа; и кто мог отлучиться от дел службы, являлся на место, проскакав слишком 200 вёрст на ба кирских лошадях с лычною упряжью...»

Среди съехавшихся охотников был и автор очерка.

Нарисовав ярко и живо общую картину охоты, он подроб останавливается на двух её эпизодах, в которых ему пришл принять личное участие:

«И собаки, и охотники, и вся охота разбилась врозь, пото что 23 волка, как сосчитано было подвывалами,[1] вдруг проры лись в трёх местах и, рассыпавшись, неслись во все лопатки леса к лесу. Я напал на одинокую свору борзых, без ловче уцепившихся по обе стороны за уши волку: они, сильно зах хавшись и храпя от злости, как клещи, впились в серого вора только изредка перехватывали быстро, не давая ему поверну ся и закусывая дальше и глубже, а серый, хорошо понимая, ч тут, где кругом идёт крик, лай, улюлюканье и хлопанье арап ками, не место храбриться, серый тащил на себе шагом упира щихся во все четыре ноги собак, добираясь до близкого ле Я соскочил с лошади, ухватившись за ружьё, — но стрелять б ло нельзя, собаки по обе стороны лежали вплоть бок-о-бок волком; я выхватил кинжал и поймал было волка за поле (хвост), но лошадь, коей повод у меня закинут был на прав руке, фыркнула, рванула и отдёрнула меня от волка; я метал в отчаянии, но не мог сладить; волк, покачивая головой, буд в хомуте, тащил за собою собак и близился к лесу: там бы тотчас заговорил не тем языком и легко бы мог вырваты стряхнув с себя собак, и, поранив их, уйти. К счастью, один ловчих, с привычным конём, прискакал на помощь, кинулся к барем с седла, бросив мне повод, и, дёрнув волка сильно за п лено, запустил в него весь кинжал. Не теряя ни минуты, я п скакал дальше и поспел ещё на одну травлю, вернее сказат гонку: из числа прорвавшихся разом волков, некоторые успе проскочить в поле без погони за ними, потому что собаки и ло чие увязались уже за другими волками, — такого-то тягле подметили трое башкир и принялись, без собак, давать ем угонки; я подоспел ещё во-время: и волк, и лошади башкир уж

[1] «Подвывать волком — подвывать воем, приманивать или заставит отзываться, подражая голосом волчьему вою; подвывала, залезая на ски или омёт, иногда бьёт волков, подвывая их, а более узнаёт, где они держа ся и сколько их, и затем делает облаву» (Словарь Даля).

ильно устали; я догнал его на свежей лошади своей и, отрезав т лесу, поворотил опять на башкир; я даже ударил его нагай-ой по голове, и он только с робкою дерзостью оскалил на меня убы, думая, очевидно, только о том, как бы уйти. Но один из ашкир удачнее моего отвесил ему по рылу остолбуху,[1] а дру-ой, наскакав сбоку, мигом накинул на него аркан и поволок за обою: волк обеспамятел, и все трое, не дав ему опомниться, росились на него с лошадей, скрутили его и сострунили, то есть еревязали ему рыло вокруг бичёвкой; сделав это, они распутали го, дали ему отдохнуть и повели, как козу, на верёвочке: неку-а было бедняку деваться; пасти не разинуть, хватить нечем, и оставалось одно: прикинуться смиренником и, поджав полено, идти куда тащат».

Далее описан финал охоты: «Исподволь все стали собирать-я на поляну перед волчьим притоном, и волки свозились со всех сторон и подвешивались за задние ноги к сучьям дерев или к кольям, вкруг расставленного на дерну обеда. Оказалось всей до-бычи восемнадцать разбойников, только пятеро ушли в разные стороны; одного, с остроненным рылом, посадили на привязи на почётное место, позади нашего хлебосольного хозяина. Обед вручную был шумный и развесёлый, дивным россказням не было конца; похвалы собакам сыпались со всех сторон...»

Во время этой весёлой трапезы «подошли двое башкир, с ка-кими-то ношами, кои оказались — чем вы думали? двумя живы-ми, спутанными грифами; гриф, сыпь, орёл или коршун-голо-шейка, который водится у нас на Урале, огромная хищная пти-ца, близкий сродник альпийскому ягнятнику и американскому кондору; судьба его такая ж, как и волка: нажравшись, он до то-го тяжелеет, что с трудом подымается с земли, и то невысоко, так что его можно загнать на лошади; не попав на волка, а на-ткнувшись на сытых грифов, эти башкиры позабавились гоньбой за ними и принесли их связанных живьём. Я сам смерил одного: он был $4^1/_2$ аршина в полёте. Такой гриф, убитый тогдашним на-чальником края, графом Перовским, стоит ныне в Казанском университете».

За той же трапезой произошло ещё одно неожиданное обстоя-тельство: «Во время самой жаркой беседы за обедом, один из охотников — впоследствии командовавший башкирским вой-ском — вдруг быстро оглянулся, потому что его потянул кто-то за воротник: это был повешенный за задние ноги на дереве волк, одна из жертв нашей победы; он, как видно, ожил немного, со-скучился висеть на сучке, достал передними ногами до земли, доцарапался до сидевшего перед ним будущего атамана и, же-лая ему шепнуть что-то на ухо, потянул его зубом за воротник!

---

[1] «Остолбуха — удар кулаком в голову» (Словарь Даля).

Вот почему у охотников есть правило: вторачивать лису и во
не за ноги, как зайца, а за шею, удавкой, не веря смерти и

* * *

Усердный фольклорист, Даль во время разъездов по Ор
бургской губернии собирал не только слова и речения для сво
Словаря, но также и произведения устного народного творчест
в частности — песни. Некоторые из них мы находим в его р
сказах и очерках, например, в рассказе «Где потеряешь, не
ешь; где найдёшь, не знаешь» (с подзаголовком: «Ключ, лад
строй песни»).[1] В начале этого рассказа, местом действия ко
рого является одно из сёл Оренбургской губернии, Даль гово
о песенных традициях и песенной славе этого села и затем п
водит текст двух песен, сообщая в примечании, что обе они «с
саны со слов, как они поются в народе в Оренбургской губ
нии». Выписываем одну из них, представляющую собою местн
вариант известной (особенно по музыкальной обработке Римс
го-Корсакова) песни о татарском полоне, которая по самой те
своей была очень близка коренным насельникам Оренбургск
губернии, легко увязываясь с их собственными исторически
воспоминаниями:

«Как за той-то, за той, за Дарьёй рекой, татары-то полон д
лят: кому злато, кому серебро достанется. Доставалася, вид
тёща зятюшке... он привёз её на дикую степь к молодой жен
ещё вот тебе, молодая жена, вековечная работница, а вам, м
детушки, нянька-матушка! — Ты заставь её, жена, три дела д
лать: первое дело дитя качать, другое дело бумагу прясть, трет
дело гусей пасти. Полоняночка ногами-то дитя качает, руками-
бумагу прядёт, глазами-то гусей пасёт. Дитя качает, сама пр
баюкивает: «Ты баю, баю моё дитятко, ты баю, баю моё мило
ты по батюшке татарчёнок, а по матушке ты русёночек — и м
их черев урывочек! Твоя матушка мне родна доченька, у неё н
правой груди родимо пятнышко».

«Услыхали няньки-мамушки, доложили они своей барын
«Ах, барыня-сударыня, полоняночка дитя качает, прибаюкивае
ты баю, баю, мило дитятко — ты по батюшке татарёночек, а п
матушке русёночек — и моих черев урывочек: твоя матушка м
родна доченька, у неё на правой груди родимо пятнышко».

«Как стучит-бренчит, по сеням бежит — по сеням бежит
дрожмя дрожит: дочь родная упадала во резвы ноги... — Ох, т
матушка, сударыня! Что давно ты мне не скажешься! Не заст
вила б тебя три дела делать: ни дитя качать, ни гусей пасти, н
бумагу прясть. Вот тебе золоты ключи, отмыкай-ка дубовы ла
цы, бери себе золотой казны, сколько надобно; поспешай-ка т
на конюшенку, бери себе коня доброго, поезжай с богом на св
тую Русь, ко малым своим детушкам!» — Дитя ли ты моё, дит

[1] Том I, стр. 180—208.

илое! Не надо мне золотой казны, не еду я на святую Русь, с обой, мой друг, не расстануся!»[1]

Немало приходилось слышать Далю и башкирских песен, осо-енно в дороге, от башкир-возниц. Об одной из них он вспомина-т в рассказе «Обмиранье»:

«Смерклось вовсе, и мы катились по дороге, что по полотну, олча. Наконец возница мой соскучился и, оглянувшись, спро-ил: юрланм-ме? Запеть, что-ли? Юрлай, — отвечал я, будто про-нувшись в раздумьи, — пой... Башкир будто мехом потянул в ебя дыханье, позадержал его и залился плачевным, высоким го-осом, словно издали по ветру донёсся звучный стон, под конец амиравший; затем последовал однообразный напев, на слова ме-тного, народного сочиненья: «Сакмар быстра, бреуна тулста, ик-мяк да йок, капрал да сок!»[2]

В примечании к этой песне Даль сообщает:

«Лесная и дровяная торговля в степном Оренбурге была в одних руках, и цены, как полагали, произвольны и высоки; чтоб устранить это зло, основана была казённая дровяная торговля, со сгоном леса башкирами, по наряду. Дело кончилось обога-щеньем нескольких казачьих чиновников, обнищаньем многих башкир, большою смертностью в сгонных командах, ещё боль-шею против прежнего дороговизною дров...»

Таковы были результаты этой бюрократической попытки за-менить монополию алчного купца-лесопромышленника учрежде-нием «казённой дровяной торговли». Возможно, что придумав-ший её сановный администратор льстил себя при этом надеждой облагодетельствовать жителей и уж никак не предполагал, что затеянное им мероприятие отложится в памяти населения вот такою песней башкира-возницы. Песня эта навела Даля на грустные размышления, свидетельствующие о том, что при всей его чиновничьей лойяльности в душе его жило сознание глубокой порочности современной ему административной системы, при ко-торой даже «благие намерения» отдельных её представителей обращались на практике в свою противоположность. Он только не понимал, что система эта с неизбежностью вытекала из самых основ общественно-политического строя царской России. «Не развеселила меня эта песня (признаётся Даль своим читателям), сложенная, как все народные песни, никем, хотя и поётся всеми. Отчего же самый благонамеренный, ретивый и честный началь-ник покидает за собою такую память? Отчего, спрошу прямо, из стольких десятков переменных начальников губернии нет ни од-ного, о ком бы на месте большинство отозвалось признательно и любовно? Издали указывают, как бы завидуя друг другу, на

[1] Том I, стр. 184—185.

[2] Последние слова в переводе на русский значат: «и хлеба нет, и на-чальники дерутся». Слово капрал, повидимому, означает здесь начальника вообще (непосредственного), как в старой русской пословице: кто палку взял, тот и капрал.

того или другого с похвалой; бывалых и давних иногда помя
ют добром; но налицо не бывает.

Был один такой, близкий мне человек, так скоро надорва
обезумел и богу душу отдал. Был и другой, так этого довели
неистовства, и он стал править кулаками. Знал я и третьего:
честно бился, до изнеможения, а потом стал править, отпись
ясь и рассчитывая, сколько ему осталось служить до пенс
Сквозь трущобу корысти, бездушной лени, несознания за со
никакого долга, сквозь грязный слой привычной, обиходной л
сквозь целые горы письма не пробьёшься, ни снизу, ни свер
задавленные всем этим, мы ждём только больших оказий, что
прокричать ура, задать обед на славу, и очень заботимся о т
чтобы праздник этот, прощальный или встречный, праздник,
котором мы забылись и перевели дух, был обстоятельно про
чатан во всех ведомостях. Этому описанию задушевности ни
не верит, никто и недочитывает, но дело закончено в порядке
сдано в архив...»[1]

* * *

Летом 1841 года Даль навсегда покинул Оренбург. Он пе
вёлся на службу в Петербург, в министерство внутренних д
где тогда служило немало других литераторов и учёных. По с
детельству Мельникова-Печерского, «по четвергам собирался
Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали а
демики, профессоры, литераторы, художники, музыканты, мо
ки, архитекторы, военные инженеры, офицеры генерального ш
ба, всё люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четв
гах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русск
Географического Общества...»

Собрания эти прекратились по независящим от хозяина
стоятельствам. По одной версии, сообщённой Мельниковым-П
черским и подтверждённой акад. Гротом, дело было так. «В 18
году граф Перовский (министр внутренних дел, родной бр
оренбургского военного губернатора. *Н. П.*), находившийся
гда в сильной борьбе с графом Орловым и Нессельроде, ска
однажды Далю: «До меня дошли слухи, которые могут бы
истолкованы в дурную сторону... Что у вас за собрания по ч
вергам и какие записки вы пишете?» Владимир Иванович с п
ною откровенностью рассказал всё графу Перовскому... Мини
удовольствовался объяснением, но сказал: «Надобно быть ос
рожнее». С того дня четверги прекратились, а драгоценные
писки погибли в камине».

Спрашивается: что это за записки? Тот же Мельников-Печ
ский сообщает о них следующее: «И в Оренбурге при В. А. П
ровском, и в Петербурге при графе Л. А. Перовском В. И. Да
успевал уделять время на ведение записок обо всём, что про
ходило вокруг него, обо всех делах, в которых он принимал у

[1] Том VIII, стр. 285—287.

ие, как секретарь и доверенное лицо обоих Перовских. Какой рагоценный материал для истории! Но ему не суждено было делеть. Уже более полутора стоп бумаги написано было бисер-ым почерком Даля. Вслед за описанием Оренбургского края и обопытным сказанием о быте уральских казаков, отбывании ли службы, рыболовстве и отношениях к киргизам, в записках аля подробно описана киргизская степь, помещено было мно-ество рассказов вышедших из Хивы русских пленников, а рав-о и торговцев, посетивших Бухару, Ташкент и Коканд; расска-ывалось об экономическом устройстве башкир, описан каждый антон башкирский. Тут же находилось описание добывания со-и на Илецкой Защите, золотых приисков около Златоуста, рыб-ых ловов на Урале, Эмбе и на Каспийском море; записаны все роисшествия (1834—1841), случившиеся в Оренбургском крае, се сношения В. А. Перовского с среднеазиатскими независимы-и владетелями и в заключение был подробно описан Хивинский оход 1839—1840 годов. За время с 1842 по 1848 год описаны се замечательные происшествия в империи не только по офици-льным донесениям, но и по другим источникам, тогда весьма оступным Далю».[1]

Таким образом, в камине петербургской квартиры Даля по-ибли драгоценные материалы по русской истории вообще и в собенности по истории Оренбургского края, и местным истори-ам-краеведам остаётся довольствоваться лишь теми страница-и из погибших записок, которые успели войти в оренбургскую еллетристику Даля.

---

[1] Полн. собр. соч. В. И. Даля, изд. Вольфа, 1897—98, т. I. Критико-иографический очерк П. И. Мельникова «Владимир Иванович Даль», стр. V—LVIII.